

И. А. ШУПЛЯК

ГЕРМАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И РУРСКИЙ КРИЗИС 1923 г.

После победы Ноябрьской революции в 1918 г. коренным образом меняется место и роль профсоюзов в Германии. Из объединений, которые раньше вели борьбу лишь за улучшение условий труда и повышение заработной платы, они превращаются во влиятельную силу процесса общественно-политического развития. В условиях первой немецкой республики они становятся партнерами государства, постепенно интегрируясь в его социально-политическую структуру. Реализация в ходе революции и сразу после нее важнейших требований профсоюзов, общий подъем демократических настроений, надежды на позитивные дальнейшие социальные перемены укрепляли позиции профсоюзов в обществе. В 1920 г. число их членов увеличилось по сравнению с 1913 г. в 3 раза и достигло примерно 11 млн человек [2, 182].

Политизация общества в первые годы Веймарской республики затронула и профсоюзы. Они не ограничивались чисто социально-экономической сферой, а активно вторгались в процессы политической борьбы. Естественно, что интересы различных профсоюзных центров не совпадали, а подчас были диаметрально противоположными [1, 450—454]. Вместе с тем по целому ряду вопросов они выступали единым фронтом. Особенно характерной такая слаженность и согласованность была в вопросах внешнеполитического характера. Эти вопросы были непосредственно и в первую очередь связаны с Версальским мирным договором и последующим процессом мирного урегулирования. Все профсоюзы осуждали Версальский договор, как несправедливо жестокий по отношению к немецкому народу (под термином «все профсоюзы» имеются ввиду три крупнейших профсоюзных объединения: свободные профсоюзы, христианские профсоюзы и свободно-национальные или гириш-дункеровские профсоюзы).

Примерно так же они относились к репарациям и тем многочисленным ограничениям, которые были возложены на Германию странами-победительницами после войны. Лидер близких к социал-демократии свободных профсоюзов Карл Лептин, который вместе с германской делегацией был на Парижской мирной конференции, назвал Версальский договор не мирным, «а военным договором», в результате которого «семидесятиmillionный народ превращается в рабов объединенного капитала западных стран» [12, 10]. В официальном воззвании свободных профсоюзов к рабочим всех стран говорилось даже о том, что версальский мир «является не только продолжением войны против немецкого народа другими средствами, он

означает одновременно заговор объединенного капитала против социализма, ... удар против пролетариата всего мира» [3, 201—202].

Свободно-национальные профсоюзы уже в мае 1919 г., когда Версальский договор еще не был подписан, опубликовали свой протест против его условий. Они характеризовались как «смертный приговор для немецкой экономики и народа», а свой протест профсоюзы определяли, как протест против «насилия, порабощения и окончательного уничтожения немецкого народа» [11, 11].

Профсоюзная позиция по отношению к послевоенному урегулированию во многом совпала с позицией большинства политических партий и политикой правительства. В Германии, таким образом, сформировался в целом солидарный подход к послевоенным внешнеполитическим проблемам. В этом солидарном блоке общественно-политических сил профсоюзам отводилась важная роль — влиять на массы, подключать миллионы трудящихся людей к противостоянию «версальскому диктату». Эта их способность оказалась особенно востребованной, когда в январе 1923 г. проблемы послевоенного урегулирования обострились до такой степени, что Франция и Бельгия ввели свои войска в Рурскую область Германии. Формальным поводом для этого послужило решение репарационной комиссии о том, что Германия не выполняет своих обязательств по уплате репараций. Франция воспользовалась этим решением, чтобы усилить давление на Германию и укрепить свои позиции в Европе.

Проблема репараций была наиболее болезненной для Германии. Их выплата непосредственно влияла на состояние германской экономики и положение миллионов немцев. Поэтому правительства страны или бурно протестовали против «грабежа» Германии, или нерегулярно и не в полной мере осуществляли платежи, или вообще отказывались платить. Все зависело от того, какие политические силы доминировали в правительстве. Что касается профсоюзов, то они, по меньшей мере, с пониманием относились к правительственной политике в репарационном вопросе.

Профсоюзы с самого начала резко выступили против репарационных платежей, считая их суммой непосильной для Германии. Один из руководителей свободно-национальных профсоюзов, А. Эркеленц, сразу после Лондонской конференции 1921 г., определившей сумму репараций в 132 млрд марок, резко протестовал против такого решения. Он связывал его с давлением «французского милитаризма» и считал, что это преступление по отношению к Германии будет продолжаться до тех пор, пока французский милитаризм не истощится. «Но он не истощится до тех пор, пока мы будем ему ежегодно платить миллиарды, в которых он нуждается для того, чтобы жить». Интересно, что здесь же А. Эркеленц рассматривает вариант отказа Германии от репараций и возможную оккупацию Рура в ответ на это. Для него это вполне приемлемое развитие событий. Суть его рассуждений сводится к следующему: «он бы [французский милитаризм — П. Ш.] не только не нашел там денег, но и восстановил бы против чумы французского милитаризма весь мир. Это стоило бы нам первоначально больших жертв. Однако мы бы не в слишком длительное время достигли освобождения Германии и всего мира. Теперь же мы лишь продляем жизнь французскому милитаризму и превращаем себя в рабов всего мира» [17].

Лидер свободных профсоюзов Т. Лейпарт назвал решение Лондонской конференции о сумме репараций «лондонским ультиматумом». Он немедленно направил руководству Амстердамского профсоюзного интернационала телеграмму с протестом против «запланированного порабощения рабочего класса Германии» и потребовал, чтобы интернационал обратился к рабочим стран Антанты с призывом выступить в защиту своих немецких коллег [12, 10].

Естественно, что протесты профсоюзов никаким образом не могли изменить ситуацию. Послевоенное давление на Германию продолжалось. Однако, активно участвуя в совместных акциях противостояния политике стран Антанты, профсоюзы становились все более надежным инструментом государства, и государство не преминуло воспользоваться этим инструментом на полную мощь во время рурского кризиса.

Ввод франко-бельгийских войск в Рур фактически парализовал немецкую промышленность. Накануне первой мировой войны Германия добывала в Руре 4/5 всего угля и выплавляла там половину чугуна и стали. Там была сконцентрирована почти четверть промышленных рабочих Германии. Теперь все это отторгалось от хозяйственной системы страны и последняя, безусловно, не могла нормально функционировать. В ответ на оккупацию правительство Германии объявило политику пассивного сопротивления, стремясь тем самым не допустить использования Францией экономического потенциала Рура и вообще сорвать французские планы давления на Германию. Вот здесь-то профсоюзы и были особенно нужны правительству. Во-первых, для того, чтобы втянуть рабочих в осуществление политики пассивного сопротивления, а во-вторых, и это самое главное, чтобы удержать их от массовых акций протеста против неизбежных тяжелейших социально-экономических последствий этой политики. Тем более что и лево- и праворадикальные силы только и ждали удобного повода, чтобы такие акции организовать и использовать в своих политических целях.

Профсоюзы крайне негативно реагировали на ввод франко-бельгийских войск в Рур. Уже в день ввода свободные профсоюзы выступили с официальным заявлением, расценивая его, как «насильственный акт, лишенный всяких правовых основ» [4, 25]. Они высказались за сопротивление этому акту. Свободно-национальные профсоюзы обвинили Францию в том, что она «разорвала ею самой подписанный мирный договор и продолжает войну с оружием в руках». Профсоюзное руководство заявило о готовности предоставить «себя в распоряжение правительства и ... поддерживать все его мероприятия, направленные на защиту свободы и права» [13, 8; 15]. Христианские профсоюзы бичевали империализм, который вторгся в Рурскую область, «затронув тем самым жизненно важный нерв немецкого народа». Но «немецкий народ един и сплочен в своем сопротивлении чужому господству». В конце воззвания следовал призыв к рабочим и всему народу к объединению в борьбе с оккупантами [19, 9]. 23 января 1923 г. представители трех крупнейших профсоюзных объединений посетили канцлера Куно и заявили, что готовы к совместной обороне всеми средствами [9]. Таким образом, единение с правительством было продемонстрировано. На следующий день, 24 января, профсоюзы осуществляют совместную акцию с организациями предпринимателей. Было принято согласованное решение о сборе средств в фонд помощи Руру. Предприниматели соглашались предоставить сумму, в четыре раза превышающую профсоюзную.

Таким образом, был сформирован единый фронт правительства, предпринимателей и профсоюзов. Объединение, безусловно, совершенно неестественное, поскольку профсоюзы, как организации трудящихся, были созданы лишь для защиты интересов последних от действий правительства и предпринимателей. Внешний фактор, побудивший профсоюзы на сотрудничество с традиционными противниками, не должен вводить в заблуждение. Без взаимопонимания внутри страны нельзя было противостоять внешнему давлению. Это с очевидностью проявилось в момент первых совместных заявлений. В одном из них речь шла о том, что в условиях негативного влияния на социально-экономическую жизнь последствий оккупации Рурской области все проблемы между рабочими и предпринимателями должны решаться с учетом каждой стороной трудностей, в которых находится страна и народ. Переговоры должны проходить в духе ответственности и безоговорочной воли к быстрому взаимопониманию. Фактически речь шла об определенной форме сотрудничества профсоюзов и предпринимателей в социально-экономической области. При этом имеется в виду сотрудничество, выходящее за рамки Центральной организации делового сотрудничества, существовавшей с 1918 г.

В едином фронте столь разнородных сил, сформировавшемся в январе 1923 г., наиболее уязвимой была позиция профсоюзов. Они фактически перешли в сферу политической борьбы, отказавшись от своих традиционных задач, пусть даже и на определенный период времени. Хорошо эта ситуация была отражена в передовой статье одной из наиболее влиятельных газет свободно-национальных профсоюзов «Регулятор»: «Несколько недель назад рабочих обвиняли в предательстве Германии только потому, что они хотели сохранить 8-часовой рабочий день. А теперь, когда Германия оказалась в тяжелом положении, последовал призыв к немецким рабочим. И они пришли... Они оставили свои частные интересы и сказали: мы сделаем для Германии все, что мы можем. Когда они свое дело сделают, они вновь будут продолжать повседневную борьбу. Они будут бороться со своими предпринимателями и прочими противниками. Их вновь будут ругать» [16].

Уязвимость профсоюзной позиции заключалась в том, что она не опиралась ни на какие гарантии для тех масс трудящихся, интересы которых они представляли и от имени которых бросались в очередную политическую схватку. Предыдущая приходилась на 1920 г., когда профсоюзы, решительно выступив против капповского путча, проявили себя в качестве спасителей демократии в стране. Но, кстати, как только они сделали свое дело, от их амбиций, не оставили и следа. Они быстро были поставлены на свое привычное место в социально-политической системе страны. Теперь же перед профсоюзами стояла возможность выступить в роли спасителей отечества от французских империалистов, и они соблазнились этим, забыв о своих непосредственных задачах. Надо сказать, что уже на начальном этапе дискуссий по вопросам сотрудничества с предпринимателями перед лицом внешней опасности в профсоюзах не было полного единства. Объединение служащих, входившее в состав свободных профсоюзов, не подписало воззвания о решении профсоюзами и предпринимателями всех вопросов в духе понимания проблем страны [5, 50].

Тем не менее, профсоюзы активно включились в борьбу. Они взяли на себя основную работу по организации ее на местах и можно без преувеличения сказать, что непосредственное осуществление кампании пассивного сопротивления прохо-

дило под руководством профсоюзов. Тем самым они брали на себя ответственность и за ее последствия для трудящихся, которые следовали призывам к сопротивлению, а предприниматели концентрировали свое внимание на организации помощи Руру.

Профсоюзы, помимо чисто организационных усилий, развернули широкую международную кампанию. 31 января 1923 г. Т. Лейпарт направил большое письмо руководству французской конфедерации профсоюзов, где подробно излагал тяжелое положение, сложившееся в Германии. Он стремился убедить французское профсоюзное руководство в том, что политика Франции на ослабление Германии ведет к ограничению возможностей последней платить репарации и тем самым участвовать в восстановлении разрушенных войной французских территорий. 1 февраля представители трех крупнейших профсоюзных объединений приняли совместное обращение к сенату и палате представителей США. Они считали, что американское вмешательство может спасти Европу и весь мир от неизбежного несчастья. «Оккупация Рурской области и Версальский договор, — говорилось в обращении, — обуславливают рабство, разрушают германскую и европейскую экономику, угрожают миллионам, прежде всего немцев, безработицей». Профсоюзные лидеры предлагали создать комиссию, которая бы обладала полномочиями и могла разобраться с ситуацией в Германии [6, 60]. По ходатайству немецких профсоюзов Амстердамский профсоюзный интернационал рекомендовал всем национальным профсоюзам последовать примеру голландских коллег, которые направили в помощь немецким рабочим денежную сумму в 150 тыс. гульденов.

Т. Лейпарт проявлял активность и внутри страны. 8 февраля 1923 г. он обратился к немецким рабочим с призывом участвовать в организации помощи Руру и направить на эти цели сумму, равную часовой зарплате. Он заверял рабочих, что, несмотря на то, что фонд создается совместно с предпринимателями, профсоюзы имеют полную возможность контролировать его применение. Такие разъяснения были необходимы, так как в профсоюзных кругах зрело недовольство сотрудничеством в этом вопросе с предпринимателями, особенно в свободных профсоюзах. В начале февраля их местное руководство в Берлине высказалось против совместного с предпринимателями участия в помощи рабочим Рура. 6—7 февраля на заседании исполнительного совета профсоюза металлистов было принято решение не участвовать в помощи Руру совместно с предпринимателями. Решение аргументировалось тем, что предприниматели ведут борьбу против рабочих, стремятся отменить 8-часовой рабочий день, оказывают поддержку национал-социалистам. Вместе с тем было принято решение направить помощь в размере часového заработка местному отделению своего союза в Руру. Таким образом, противоречия в свободных профсоюзах обострялись именно по вопросу сотрудничества с предпринимателями. Это стало очевидным 2 марта, когда руководство свободных профсоюзов вынужденно было официально выразить свое сожаление по поводу того, что некоторые профсоюзные организации не участвуют в помощи Руру совместно с предпринимателями, и подвергло эту позицию серьезной критике, настаивая на выполнении ранее принятых решений. Однако акции саботажа продолжались. Этим не преминули воспользоваться отдельные предприниматели, которые, ссылаясь на оппозиционные профсоюзы, так же отказывались платить. В конечном итоге помощь Руру не была реализована в том масштабе, как это планировалось [14, 174].

Не оправдались надежды и на международную профсоюзную помощь. В конце февраля руководство свободных профсоюзов выражало свое недовольство отсутствием реальной международной поддержки. «Международная активность не выражается в бесчисленных и дорогостоящих поездках, в бумажных заявлениях, в длинных речах и постановлениях», подчеркивалось в заявлении профсоюзного руководства. Весьма критически оценивалась позиция Амстердамского интернационала [7, 86].

Тем временем обстановка в Германии обострялась. Продолжение политики пассивного сопротивления вело к экономической и социальной катастрофе. Закрывались промышленные предприятия. В августе 1923 г. не работало или работало с минимальной нагрузкой 49 % из них. Невиданный масштаб приобретала инфляция. Коммунисты, пользуясь ситуацией, организовывали забастовки. В мае 1923 г. состоялась массовая забастовка рурских горняков. Чем труднее было положение людей, тем легче было вовлечь их в борьбу. Коммунисты стремились использовать катастрофическую ситуацию в стране для подготовки всеобщей забастовки, а потом и революционных выступлений, формировали боевые пролетарские отряды.

В этих условиях профсоюзы были вынуждены активизировать свои усилия по противодействию всем попыткам классовой борьбы. Они убеждали рабочих, что борьба с оккупацией Рура не является классовой борьбой, а представляет собой часть общей борьбы государства и народа. Классовые признаки состоят лишь в том, что эта борьба направлена против империалистических устремлений французского капитала. Особенно настойчиво профсоюзы стремились не допустить всеобщей забастовки, которую коммунисты планировали организовать в августе. 11 августа руководство христианских профсоюзов обратилось призывом к рабочим: «Не участвуйте в диких стачках, которые являются бессмысленным путем. Доверяйте своим профсоюзным организациям и лидерам, которые все делают для того, чтобы добиться возможного улучшения и предотвратить катастрофу» [10]. Свободно-национальные профсоюзы убеждали рабочих «со всей твердостью выступить против преступных призывов коммунистов в условиях крайне напряженного положения в стране» [18]. Но удержать рабочих было все труднее, забастовочные выступления становились все более частыми и массовыми.

Серьезные проблемы возникали в отношениях профсоюзов с предпринимателями. Было очевидным, что представители финансово-промышленного капитала стремились использовать рурский кризис для укрепления своих стратегических позиций. 25 мая 1923 г. Президиум имперского союза немецкой промышленности распространил свои предложения по урегулированию репарационного вопроса. Суть их сводилась к тому, чтобы ослабить роль государства в вопросах экономической жизни и расширить права промышленников, сделав их почти неограниченными в решении социально-экономических вопросов. Профсоюзы резко выступили против этой позиции, считали ее корыстной и вредной для урегулирования ситуации в стране. Свободные и свободно-национальные профсоюзы направили канцлеру памятную записку, в которой категорически отвергали планы финансово-промышленных кругов [14, 21—22].

Таким образом, осуществление политики пассивного сопротивления все больше ставило профсоюзы в сложное положение. На них лежал основной груз организационной работы. Однако чем дальше, тем больше плоды этой работы оборачивались против самих профсоюзов. Социально-экономические последствия пас-

сивного сопротивления способствовали радикализации рабочих, активизации коммунистов, росту социальных конфликтов. В конечном итоге все это могло завершиться революционным кризисом под руководством коммунистов. Что же касается профсоюзов, то их влияние падало, а численность сокращалась по мере обнищания трудящихся. В это же время фронт борьбы расширялся. С одной стороны — организация пассивного сопротивления, с другой — противостояние коммунистическим попыткам дестабилизации обстановки. Помимо этого, необходимо было противодействовать и союзникам по общему фронту борьбы, т. е. предпринимателям, в их стремлении вытеснить профсоюзы из социально-экономической сферы или хотя бы потеснить их в этой сфере. Получилось так, что профсоюзы стали заложниками своей политики.

Вместе с тем следует иметь в виду, что профсоюзы, особенно свободные профсоюзы, вступая в борьбу, не предполагали, что она затянется на такой длительный срок. Они считали, что эта борьба станет лишь фоном, на котором правительству будет легче вести переговоры о судьбе репараций. Позднее свободные профсоюзы обвиняли в затягивании пассивного сопротивления именно правительство, считая, что оно, как и во время войны, не нашло в себе мужества своевременно заключить мир или хотя бы начать переговоры [14, 25].

Свободные профсоюзы начали официально обсуждать вопрос о прекращении политики пассивного сопротивления уже в апреле 1923 г. Первоначально это делалось в узком кругу, на заседании правления. Там проявились достаточно серьезные разногласия, и вопрос был вынесен на пленарное заседание профсоюзного комитета. Здесь профсоюзное руководство твердо поставило вопрос о прекращении борьбы, ссылаясь на обострение внутривнутриполитического положения в связи с активизацией путчистов справа и слева. Было очевидно, что профсоюзная позиция согласована с руководством СДПГ, поскольку на заседании комитета утверждалось, что правительство Куно вряд ли придет к заключению мира и что считается возможным формирование нового кабинета на главе с Г. Штреземаном, в который могли бы войти и социал-демократы. В конечном итоге было принято решение совместно с другими профсоюзами обратиться к правительству с предложением прекратить пассивное сопротивление и начать переговоры с Францией. Вместе с тем подчеркивалось, что, в случае отказа Франции от переговоров, борьба не будет прекращена, а еще больше усилится [14, 9—16].

После этого Т. Лейпарт встретился с представителями руководства христианских и свободно-национальных профсоюзов и предложил совместно обратиться к правительству. Однако его предложение поддержки не получило. Христианские и свободно-национальные профсоюзы ориентировались совсем на иные политические силы, которые входили в состав правительства Куно. Для них сотрудничество с предпринимателями и правительством было одним из важнейших основополагающих принципов. Поэтому они остались на позиции совместного противостояния Франции. Более того, после изменения позиции свободных профсоюзов, лидеры христианских и свободно-национальных профсоюзов провели ряд массовых мероприятий, где принимались резолюции о решимости продолжать борьбу.

В этих условиях представители руководства свободных профсоюзов посетили 21 апреля канцлера Куно и изложили свою позицию, суть которой сводилась к следующему: пассивное сопротивление продолжается, но правительство должно

выступить с конкретными предложениями по урегулированию конфликта. Эта профсоюзная позиция была согласована с социал-демократической партией. Свободные профсоюзы не хотели в одиночку выходить из общего фронта борьбы и взять на себя тем самым всю ответственность за срыв политики пассивного сопротивления. Отныне их действия характеризовались постоянным давлением на правительство и одновременно участием в борьбе против оккупации Рура. При этом им приходилось бороться и с усилением левых тенденций в своих рядах и в стране в целом.

Ситуация в самих профсоюзах становилась все более сложной. К концу 1923 г. их численность сократилась примерно на 20 %. Это ограничивало возможности борьбы. В то же время активизировали свою деятельность коммунисты, привлекая к своим акциям всех недовольных. 12 августа, несмотря на противодействие профсоюзов, им удалось организовать массовую забастовку, которую они назвали всеобщей. В этих условиях социал-демократы подключились в рейхстаге к другим партиям и выступили против доверия правительству. Правительство Куно, учитывая катастрофическую ситуацию в стране и положение в парламенте, 12 августа подало в отставку. Было создано правительство большой коалиции с участием СДПГ, которое возглавил Г. Штреземан, 26 сентября 1923 г. оно прекратило пассивное сопротивление. После этого решение рурского кризиса перешло в сферу дипломатии.

Интересно то, что свержение правительства Куно, а вместе с ним фактически и прекращение политики пассивного сопротивления коммунисты рассматривали как результат их «всеобщей забастовки». Свободные же профсоюзы считали это заслугой СДПГ. Пресса часто писала, что это было результатом совместных усилий профсоюзов и социал-демократии. Все эти факторы, безусловно, сыграли определенную роль. Главное заключалось в том, что политика Куно закончилась полным провалом. Страна была поставлена на грань экономической катастрофы, социальные противоречия обострились до такой степени, что революционный взрыв был вполне реальным. Об этом свидетельствовали массовые выступления рабочих 12 августа и попытка коммунистической революции в октябре. С другой стороны, на фоне беспомощности правительства и роста леворадикальных настроений активизируется правая реакция. Это нашло свое выражение позднее в попытке фашистского путча в Мюнхене. Сепаратисты усилили свою деятельность по отторжению Рейнской области. В этих условиях правительство не могло не уйти, а пассивное сопротивление не могло продолжаться.

Профсоюзы в результате пассивного сопротивления значительно ослабили свои позиции. Они оказались перед угрозой финансовой катастрофы в результате массовой безработицы и сокращения численности. В 1924 г. число их членов сократилось по сравнению с 1920 г. у свободных профсоюзов с 8,5 млн до примерно 5 млн, у христианских профсоюзов с 1,7 млн до 1 млн, у свободно-национальных профсоюзов — с 490 тыс. до 410 тыс. [8, 47]. Пользуясь ослаблением профсоюзов, правительство все меньше считалось с ними. После прекращения пассивного сопротивления профсоюзы почти не влияли на развитие событий в стране. Они практически не привлекались к переговорам между рурскими промышленниками и оккупационными властями, которые привели к возобновлению репарационных поставок. Не считаясь с мнением профсоюзов, правительство Г. Штреземана приняло решение выделить

из бюджетных средств помощь концернам тяжелой и химической промышленности Рура в размере 715 млн марок. На все социальные расходы при этом выделялось только 300 млн марок. Протесты профсоюзов успеха не имели. Начиная с октября 1923 г., правительство под давлением предпринимателей все более склонялось к новому регулированию рабочего времени, что ставило под угрозу 8-часовой рабочий день. Протесты профсоюзов при этом также не учитывались. В связи с этим в начале ноября министры СДПГ вышли из правительства Г. Штреземана. Тем не менее, 21 декабря декрет о регулировании рабочего времени был принят и содержал положения, позволяющие отходить от 8-часового рабочего дня.

Таким образом, конец 1923 г. принес профсоюзам полный крах всех планов. Социальные завоевания Ноябрьской революции были фактически потеряны. Страна находилась в условиях массовой безработицы, инфляции, чрезвычайного положения, угрозы со стороны правого и левого радикализма. Финансовое положение профсоюзов достигло критического уровня. Приходилось вводить ряд ограничений, в том числе увольнять своих служащих и функционеров. Но главным уроном была потеря доверия со стороны масс, что выразилось в резком сокращении численности. Участие профсоюзов в пассивном сопротивлении было обусловлено стремлением спасти завоевание революции и укрепить собственные позиции в социально-политической системе Веймарской республики. Результат оказался противоположным.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. А. Шуляк. Профсоюзы Веймарской Германии: политические концепции и политическая борьба // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65-годдзю заснавання гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта. 26 лістапада 1999 г. Мінск. Мн., 2000.
2. Bracher, Funke, Jacobson (Hrsg.). Die Weimarer Republik 1918—1933. Politik-Wirtschaft-Gesellschaft. Bonn, 1988.
3. Correspondenzblatt. 1919. № 20.
4. Correspondenzblatt. 1923. № 3.
5. Correspondenzblatt. 1923. № 5.
6. Correspondenzblatt. 1923 № 6.
7. Correspondenzblatt. 1923. № 8.
8. Deppe F., Roßmann W. Wirtschaftskrise, Faschismus, Gewerkschaften. Dokumente zur Gewerkschaftspolitik 1929—1933. Köln, 1981.
9. Der Deutsche. 1923. 25 Januar.
10. Der Deutsche. 1923. 12 August.
11. Für die Freiheit der Nation. Gewerkschaftsring und Reparationen. Berlin, 1932.
12. Gewerkschaften, Friedensvertrag, Reparationen. Berlin, 1932.
13. Gewerkverein. 1923. № 2.
14. Jahrbuch des ADGB. 1923. Berlin, 1924.
15. Protokoll der 6. Sitzung des Ausschusses des ADGB 17—18. April 1923. Berlin, 1923.
16. Regulator. 1923. 19 Januar.
17. Regulator, 1923. 2 Februar.
18. Regulator. 1921. 27 Mai.
19. Regulator, 1923. 17 August.
20. Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands, 1923. № 2.